

В итоге Ши Минъю ничего не оставалось, кроме как сесть в машину Чу Цзина. Иначе кто знает, во что бы это вылилось к вечеру: он уже заметил в комментариях адрес чайной.

— Нынешние журналисты... с каждым днём всё изворотливее в выражениях, — со вздохом произнёс Ши Минъю, откинувшись на переднем сиденье и прикрыв глаза.

Ему было даже неловко произносить то самое слово вслух.

— «Тайное свидание»? — Чу Цзина, впрочем, это ничуть не смущало. Он выглядел человеком, которому всё побоку, и лишь усмехнулся: — А я думал, ты привык. Мы с тобой тайком встречаемся уже лет восемьсот.

Ши Минъю потерял дар речи. Быть гетеросексуалом рядом с таким типом — испытание не из лёгких. Бросив на него укоризненный взгляд, он с досадой фыркнул:

— Ну да, великому режиссёру полагается целая вереница скандальных слухов. Одним больше, одним меньше — какая разница.

Их первая совместная сплетня возникла чисто случайно. Настоящий резонанс поднимался постепенно — вплоть до второй совместной картины, «Цикады летней ночи», аккурат перед её выходом на экраны.

Тогда в сеть вбросили новость о «мерзавце, бросившем девушку после десяти лет отношений». Скандал вспыхнул мгновенно, подняв подлинную бурю. Обыватели взахлёб смаковали подробности, а люди из индустрии сразу поняли: за этим кто-то стоит. Компромат специально приберегли к премьере. Дебютный фильм Чу Цзина собрал великолепную прессу и отличную кассу, а вторая работа выходила в самый пик сезона — конкурентам выгодно было топить опасного соперника.

И расчёт почти оправдался.

Картину спасло лишь то, что остальные фильмы в прокате оказались совсем никудышными. Благодаря сарафанному радио и лучшим пиарщикам отрасли, сумевшим переключить внимание публики, фильм выстоял. А после проката неожиданно взял главную награду страны — «За лучший фильм» на премии «Золотая ветвь», которая проходила лишь раз в три года.

Слава и деньги хлынули рекой. Чу Цзину исполнилось всего двадцать шесть — пора расцвета. За какие-то два года из нищего, никому не нужного пекинского скитальца он превратился в восходящую звезду кинематографа и примерил главную режиссёрскую корону.

— Чу Цзин, мне тут вспомнилась одна фраза из сети: у каждого бывает момент, о котором он жалеет. Так вот, я сейчас ужасно жалею, что сел к тебе в машину.

— Пусть болтают что хотят, — небрежно отмахнулся Чу Цзин, не отрываясь от дороги. — Про нас и совместные постельные снимки сочиняли, а ты какого-то слуха испугался.

Ши Минъю лишь тяжело вздохнул. Из них двоих только он, похоже, заботился о приличиях и всё ещё пытался рассуждать как нормальный человек.

В прошлый раз их «постельное фото» тоже было фейком. Из экономии бюджета съёмочная группа просто снимала двухместные номера. Но этот абсурдный слух подхватили так резво, что ветка обсуждений трещала по швам.

Ши Минъю тогда впервые осознал, насколько фанаты пейрингов могут быть безумными — из тех, что способны целыми днями преследовать машину. После этого он долго не решался даже подсесть к кому-то в авто.

— А я против, — глухо отозвался Ши Минъю.

— Против чего? Что считаешься лишь одним из множества моих «увлечений»?

Спустя мгновение Чу Цзин бросил взгляд вправо, но Ши Минъю уже спал, смежив веки.

Машина быстро доехала до жилого комплекса. Припарковавшись на временной стоянке, Чу Цзин взглянул на спящего спутника, достал телефон и начал заносить в заметки пришедшие на ум мысли.

Когда Ши Минъю открыл глаза, за окном уже стемнело.

— Приехали? — пробормотал он сонный.

Чу Цзин достал небольшой горшочек — совсем крошечный, с пышно цветущим, ухоженным растением.

— Держи. Запоздалый подарок на день рождения.

Ши Минъю уставился на горшок, чувствуя себя глубоко несчастным. Ухаживать за растениями или животными он совершенно не умел — у него дошло абсолютно всё. Из-за этого он даже не пытался выстраивать популярный в сети образ «милого любителя питомцев», который так сближает звёзд с фанатами.

— Я искренне подозреваю, что ты надо мной издеваешься, — произнёс Ши Минъю с двояким чувством, принимая подарок.

Впрочем, это была лишь шутка. Он знал, что Чу Цзинь наверняка долго выхаживал этот цветок. Как ни странно, у Чу Цзина имелось весьма неожиданное хобби — разведение цветов и трав. И получалось у него отлично, хотя увлечение совершенно не вязалось с его характером. При их первой встрече Чу Цзинь как раз расстался с девушкой — во время ссоры та разгромила все его горшки, и Ши Минъю помогал ему собирать черепки.

— В любом случае, найдётся кому за ним присмотреть, верно? — равнодушно оборонил Чу Цзинь. — До встречи.

Ши Минъю вышел на прохладный вечерний ветер, держа в руках горшок. На плечах у него висела тонкая рубашка, которую Чу Цзинь силой заставил надеть вместо куртки. В межсезонье ночной ветер ощутимо пробирал.

В итоге цветок отправился на деревянную полку в квартире. Ши Минъю не стал уделять ему особого внимания, лишь время от времени посматривая, не засох ли.

Премьера «Моста» подступила быстро, с помпой и размахом. Ши Минъю не удивлялся: в нынешнем шоу-бизнесе — хоть у тебя артхаус, хоть жанровое кино — без масштабного пиара никуда. Любой, даже самый гениальный режиссёр будет из кожи вон лезть ради кассовых сборов. Разница лишь в том, насколько изящно и убедительно это подано.

Неожиданностью стало лишь появление человека, которого здесь быть не должно.

Перед входом в зал Ши Минъю сохранял безупречную улыбку, наблюдая, как Чу Цзинь с самым невозмутимым видом бесцеремонно оттирает исполнительницу главной женской роли и встаёт плечом к плечу с ним.

— А ты рановато, — понизив голос, бросил Чу Цзинь.

Ши Минъю поджал губы и перевёл взгляд на актрису, чей взор выражал глубокую затаённую обиду. Ши Минъю предпочёл сделать вид, будто ничего не заметил.

Какая ещё раскрутка пейринга для этого фильма?

В картине его герой — учитель средней школы из провинциального городка, находящийся в кризисе среднего возраста и имеющий жену. Актриса Лю Яфэй, игравшая супругу, стояла по левую руку, одетая в точно такую же фирменную футболку с названием фильма. Ши Минъю и так изо всех сил старался держаться подальше от молодой исполнительницы главной роли.

А тут ещё и действующий режиссёр под боком, да вдобавок вся премьера транслируется в прямом эфире — камеры буквально липнут к лицам. Ши Минъю искренне сочувствовал самому

себе.

— Как исполнителю главной роли, мне не положено опаздывать, — спокойно отреагировал он, шагая вместе со всей съёмочной группой.

— Удивлён, что я пришёл? — на ходу бросил Чу Цзин.

Ши Минъю мысленно закатил глаза.

«О чём тут спрашивать? Ты ведь тот самый человек, который способен проигнорировать премьеру собственного предыдущего фильма. Пощекотать нервы окружающим — твоё любимое занятие».

Впрочем, вслух он ничего не сказал: визиты вежливости среди режиссёров — обычное дело.

Вся команда вышла на сцену. Ши Минъю улыбался... пока не увидел, что Чу Цзин стремительно поднялся вслед за всеми, причём припёрся в обычной белой футболке.

Экранного времени у Ши Минъю в фильме было не так уж много, и после завершения съёмок он не слишком следил за судьбой проекта, сразу уехав на другую площадку.

Как и когда Чу Цзин вообще приложил руку к этой картине, он понятия не имел. Конспирация у них выстроена — дай бог каждому.

Ши Минъю держал лицо, пока ведущий представлял участников, пока не дошло до реплики:

— Сегодня к нам неожиданно присоединился особый гость. Буквально только что стало известно, что режиссёр Чу выступил монтажёром этой картины! Настоящий приятный сюрприз! Думаю, присутствующие со мной согласятся. Учитель Чжу, у вас ведь те же чувства?

Ши Минъю опешил от такого неожиданного выпада. Справившись с замешательством, он беспомощно улыбнулся:

— Сюрприз и впрямь колоссальный. Секретность была на высшем уровне.

Хотя в душе бушевал шторм, профессиональная привычка брать себя в руки сработала безукоризненно.

— Не верьте ему, — бесцеремонно перебил Чу Цзин. — Он наверняка мысленно меня материт за то, что я опять устроил тайну из ничего.

Зал взорвался от хохота. Атмосфера мгновенно разрядилась.

Кто-то из зрителей выкрикнул:

— Режиссёр Чу, мы знаем, что вы с Учителем Чжу постоянно подкалываете друг друга! Сегодня победа за вами?

— Это станет понятно позже, — качнул головой Чу Цзин.

Ши Минъю мысленно скрипел зубами.

«Раз понимаешь, что я тебя крыть буду, какого черта всё равно так делаешь?»

Тем временем в чате трансляции началось безумие:

[Чу Цзин в своём репертуаре! Любитель пощекотать нервишки! Съёмочная группа аж замерла, когда он выперся, ахахаха!]

[Он же явно с корабля на бал прилетел, никого не предупредил, 100%!]

[Типичный Чу Цзинь! Вспомните, как на прошлом фильме он устроил «премьеру без режиссёра» — актёры стояли на сцене и тупо хлопали глазами!]

[Учителя Чжу беднягу жалко, честное слово, ахахаха!]

На сцене Ши Минъю пришлось принять на себя основной удар вопросов. Журналисты то и дело пытались вовлечь в разговор сидевшего рядом Чу Цзина. Общаться с прессой Ши Минъю умел филигранно, но когда рядом находился такой подвох, держись крепче.

Когда Ши Минъю на вопрос о впечатлениях от съёмок ответил дипломатичным «вполне неплохо», Чу Цзин тут же намурил брови:

— Да ну? Мне показалось, ты дико мучился на площадке.

Ши Минъю едва удержался, чтобы не заскрипеть зубами. Ну что за привычка срывать покров!

Ши Минъю слегка сжал рукав Чу Цзина и, улыбнувшись, мягко пояснил публике:

— Роль действительно далась непросто. Обстановка в семье героя и его жизненные обстоятельства давят на психику. А к манере выражаться режиссёра Чу вы все уже привыкли.

Зал снова зашёлся смехом.

Чу Цзин порывался добавить что-то ещё, но Ши Минъю перехватил инициативу, заговорив без остановки, лишь бы заставить того замолчать:

— Но не будем заикливаться на мне. Сегодня хочется дать слово нашему режиссёру и прекрасной актрисе Лю Яфэй, сыгравшей мою супругу. На площадке все выкладывались по полной. Режиссёр придавал мне уверенности, а от взаимодействия с Учителем Лю у меня остались самые яркие впечатления. Особенно запомнилась одна сцена...

Зрители в зале хохотали, а чат трансляции разрывался от комментариев:

[Боже мой, ахахаха! Мастерство Учителя Чжу съезжать с темы — это нечто! Намертво заткнул режиссёра Чу, я выпадаю!]

[Да уж, если бы Чу Цзин продолжил вещать, премьеру пришлось бы сворачивать!]

[Вы видели этот уязвлённый взгляд Чу Цзина? Ахаха, не часто увидишь, как его осаживают!]

[Представляю, о чём думает режиссёр фильма: «Заткните его уже кто-нибудь! Я ещё жить хочу!» Все же знают, какой у Чу Цзина язык ядовитый!]

После затянувшейся презентации и нескольких коротких конкурсов актёрам предложили поделиться мыслями о своих персонажах.

Задумавшись на секунду, Ши Минъю произнёс:

— Одиночество. Свободное, словно ветер, и в то же время тягостное одиночество. Человек проходит свой путь один. Кто-то способен выстоять в этой пустоте сам, а кому-то нужна привязанность, чтобы затянуть брешь. Но в конечном счёте остаётся лишь одиночество... и выбор бесследно раствориться в нём.

Он понимал, что его трактовка сильно разнится с тем, что пытался вложить постановщик.

Впрочем, сделал он это умышленно — чтобы заготовить себе оправдание на случай упреков в небрежном прочтении сценария и отсебятине.

«Мост» задумывался как артхаусная драма — во всяком случае, так заявлялось при запуске. Однако в процессе бесконечных споров с инвесторами и переделок Ши Минъю получил на руки нечто странное: режиссёр хотел усестись на два стула сразу. Ему требовались и атмосфера глубокого авторского кино, и кассовые сборы, из-за чего в сюжете появился

неуклюжий детективный элемент.

Получилась ни рыба ни мясо. К реалистичной драме привязали какую-то анимешную девицу-мстительницу.

Сюжет крутился вокруг банальной сплетни в провинциальном городке: нелепое любовное письмо от ученицы средних лет учителю перерастает в скандал, который заканчивается трагедией — девушка бросается в реку, а мужчина вынужден бежать. Вот только эта девица на самом деле заманила учителя в ловушку, чтобы отомстить за давний грех — когда-то герой Ши Минью по неосторожности погубил её близкую подругу.

Естественно, эту сюжетную линию впихнули по настоятельному требованию спонсоров. Когда Ши Минью читал сценарий, он физически ощущал головную боль сценариста, вынужденного по ночам переписывать этот винегрет.

Но работа есть работа. Играя, он был свято убеждён: проект с такой размытой концепцией и капризными инвесторами обречён на кассовый провал.

А провал ему как раз и был нужен!

Когда черёд дошёл до Чу Цзина, тот с предельно серьёзным лицом заявил:

— Когда я впервые увидел черновой монтаж, то подумал, что это редкостная ахинея.

Ши Минью мысленно закрыл лицо руками.

[Понеслась! Глубокомысленный разбор от режиссёра Чу! С ходу с козырей зашёл!]

[Видели, как у бедного постановщика улыбка на лице застыла?]

[Вся съёмочная группа в прединфарктном состоянии, утащите уже Чу Цзина от микрофона!]

К счастью, Чу Цзин вовремя вспомнил про дипломатию и смягчил удар:

— Я смотрел его всю ночь, а наутро истребовал у режиссёра весь исходный материал и целую неделю сидел за монтажным столом. Постановщику пришлось несладко, но итоговый результат, на мой взгляд, вышел достойным.

Режиссёр картины, Цзинь Чэньюй, лишь сдержанно и облегчённо улыбнулся.

Премьерная часть длилась около сорока минут и наконец перешла к самому показу.

Спускаясь со сцены, Чу Цзин нагнал Ши Минъю и негромко спросил:

— Зачем ты вообще взялся за этот проект?

Он видел лишь сырой материал, и тот вызвал у него отторжение. Высокий рост позволял ему нависать над Ши Минъю, но выглядело это не агрессивно.

Ши Минъю промолчал.

Зачем? Да ради провала, разумеется! Это ведь его обязательный системный квест. А теперь ситуация вышла из-под контроля.

А Чу Цзин... Он же гений. Настоящий феномен кинематографа, одинаково успешно работающий и с артхаусом, и с коммерческим кино.

В начале фильма Ши Минъю сразу обратил внимание на титры: «Монтажёр: Фэйгуан».

Фэйгуан — это псевдоним Чу Цзина, который тот использовал для скромной работы за кадром. Несколько лет назад, на банкете в честь окончания их последнего совместного фильма, Чу Цзинь обмолвился, что хочет попробовать себя под чужим именем. Ши Минъю тогда удивился — надо же, этот прямолинейный бунтарь решил действовать исподтишка. И тогда процитировал строчку: «Уходит свет, уходит свет... Налей же мне вина».

Время утекает слишком быстро. Его не удержать.

На экране разворачивалось повествование. Ши Минъю глубоко вздохнул, готовый увидеть, во что Чу Цзинь превратил картину.

И по мере просмотра улыбка на его лице гасла.

Чёрт, чёрт, чёрт!

Как, ну как его персонаж оказался в центре всей истории?! Сценарий же переписали под подростковую месть, а Чу Цзинь смонтировал глубокую драму о крушении эпохи и неизбежной человеческой трагедии!

В основе «Моста» лежала неплохая повесть. Инвесторы изуродовали её до неузнаваемости, но Чу Цзинь своим монтажом сумел вытащить наружу самую суть, первозданную атмосферу оригинала. Мост в кадре стал не просто местом действия — он символизировал рушащийся

брак и умирающую семью. История, разворачивающаяся в ночной глуши Северо-Востока, превратилась в элегию об уходящем прошлом и наступлении новой, суровой реальности.

Фильм получился мощным. Таким, с которым ездят за главными кинонаградами.

И так думал не только Ши Минъю. В зале гремели аплодисменты, слышались сдавленные всхлипы и восхищённые шепоты.

Ши Минъю чувствовал, как внутри всё закипает.

Ему хотелось плакать. Проект, который должен был провалиться, превратился в шедевр!

На выходе из зала Чу Цзин ждал его комментарии — ведь это был первый случай, когда он смонтировал фильм без предварительного обсуждения с Ши Минъю.

— Ну как тебе? — поинтересовался он.

Ши Минъю долго молчал, прежде чем глухо проговорил:

— Я хочу побыть один.

«А ещё точнее — я хочу кого-нибудь прибить. В частности — тебя!»

<http://bllate.org/book/20141/1992043>